

тернет-конф. Красноярск: Сибир. федер. ун-т, 2011. URL: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/20740> (дата обращения: 16.04.20.).

4. Хиргадо Л. А. Галисийский рассказ: попытка осмысления // Галисийский рассказ XX века: Антология галисийской литературы. Т. VII. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. С. 5–18.

5. Marín M. Manuel Rivas: “La realidad es un capítulo de la gran ficción humana” [Электронный ресурс] // El País. 21 OCT 1998. URL: https://elpais.com/diario/1998/10/21/paisvasco/908998812_850215.html (дата обращения: 17.03.20.).

6. Rivas M. Las voces bajas. Madrid: Santillana Ediciones Generales, S. L., 2014. 201 p.

УДК 1:316

И. П. Полякова (г. Липецк)

Липецкий государственный технический университет

А. П. Климович (г. Липецк)

Финансовый университет при Правительстве РФ, Липецкий филиал

Мораль в системной теории Н. Лумана

В статье рассматривается проблематика социальной морали в контексте функционально-структурной системной теории Лумана. Описываются основные принципы оценки роли морали в классическом обществе, приводятся отличительные характеристики современного общества. Делается краткий очерк трансформации роли морали в социальном пространстве. Начиная от классического стратификационного общества, переходя к современному функционально-дифференцированному, дается анализ изменения значения и функционального статуса моральной и этической общественной системы.

Мораль отмечается как новая, важная составляющая современного социального бытия, одновременно проясняется ее иное, не имевшее места в классическом обществе функциональное значение.

Ключевые слова: Луман, стратификационное общество, системная теория, функциональная дифференциация, мораль, религиозная тайна, коммуникация, бинарное кодирование, толерантность

Как известно из учения Н. Лумана, общество состоит из систем. В отличие от традиционного общества, в котором системы имели иерархическую субординацию, Луман называет такое общество «стратификаторным» [8, S. 183], в современном обществе системы дифференцированы по функцио-

нальному принципу. Стратификаторное общество имеет выраженную централизованную структуру с отчётливой вертикальной иерархической ориентацией. Наиболее яркими и в полной мере реализовавшимися примерами стратификаторных обществ могут служить монархические империи, имевшие распространение вплоть до XIX века.

В XX веке происходит активная переструктуризация общественных отношений в соответствии с новым системным принципом различения. Луман называет этот принцип «функциональной дифференциацией». Системы, отделяющие себя от внешнего мира, имеют название функциональных. Функциональные системы характеризуются тем, что монополизируют определённую функцию, которая необходима для функционирования общества как целого.

В отличие от стратификаторного общества, функционально дифференцированное не имеет определенного выделенного центра, из которого происходит управление. Каждая система занимается выполнением своей собственной функции и не распространяет своего влияния на выполнение функций другой системы.

Таким образом, на взгляд Н. Лумана, современное общество представляет собой совокупность функционально закрытых систем, без какого бы то ни было единого координирующего центра. Деятельность такого общества определяется сложным механизмом непосредственного взаимодействия всех со всеми.

При такой постановке возникает интересный вопрос, касающийся изменения роли морали в современном обществе. Как известно, в классическом традиционном обществе мораль выполняет важную роль консолидации людей вокруг общих моральных ценностей. Не в последнюю очередь именно благодаря этой связывающей функции морали в человеческом общежитии возможен и осуществим социальный порядок.

По праву можно сказать, что открытие морали принадлежит религии. В этом контексте следует отметить, что симбиоз религии и морали воспринимается Луманом как культурный артефакт. Пользуясь его терминологией, можно объяснить возникновение морали на том основании, что использование бинарного кода религии «тайное / явное» вступает в противоречие с употреблением языка [3, S. 248].

Обнаруживаемое совпадение религии и морали предположительно имеет смысл разрешить проблему коммуникации, которая возникает в связи с тем, что семантика языка позволяет на любое высказывание реагировать как утверждением «да», так и отрицанием «нет». Именно поэтому мораль

берет свое начало в некомуницируемой религиозной тайне. Запрет на коммуникацию, налагаемый религиозным кодированием, позволяет морали освободиться от бремени доказательства. Как отмечает Луман, имея в виду Канта и Бентама, тот, кто пренебрёг этим обстоятельством, был обречён на бесплодность своих максим [3, S. 242]. Зародившись в религии, мораль не может быть сведена к разумному обоснованию.

Мораль имеет симметричную структуру. Она оперирует запретом на самоисключение. Тот, кто требует морали, должен сам ей следовать; тот, кто морализирует, непременно сам обязан подчиняться правилу. Единственным, кому сделано исключение, является Бог. Религиозное обоснование моральных заповедей выходит за рамки фундаментального правила. Оно, опираясь на тайну, освобождает себя от этого требования.

Изменяя закон, по которому блудницу в древней Палестине забрасывали камнями, Иисус устанавливает новое правило: «Тот из вас, кто без греха, пусть первым бросит в нее камень» [4]. Правило гласит «тот из *вас*», но не «тот из *нас*», иначе Иисусу пришлось бы кидать камень первым [3, S. 242].

Мораль повсеместна. Там, где есть люди, есть общение, там есть и мораль. Одновременно мораль есть только там, где есть люди. Вне общества мораль беспредметна.

«О морали мы говорим в тех случаях, когда индивиды обращаются друг с другом как индивиды, т. е. как различные личности, и определяют свои реакции в зависимости от суждения о личности, а не от ситуации» [3, S. 341].

С самого начала мораль являлась эффективным инструментом социальной координации. Она возникала как реакция на невероятность коммуникации по отношению к навязываемому обществом смыслу, в том случае если обоснование смысла представлялось невозможным. Наибольшее значение мораль имела в обществах с неразвитой системой регулирующих правил.

По мере эволюционирования общества моральному кодированию становятся доступны все более широкие области коммуникации.

В античной мифологии герои, совершавшие преступления (убийство родителей, инцест и т. д.), не обрекались на осуждение. Их поступки воспринимались как свершение судьбы, были следствием непреодолимости рока. Они доказывали не моральность, а могущество потусторонних сил.

Со времен Средневековья мораль в своем развитии приобретает значительную зависимость от культуры. Действие моральных правил получает соответствие достигнутому общественному развитию.

Моральная симметрия «альтер» и «эго» адаптируется к увеличивающемуся общественному расслоению и приобретает несимметричный характер. То, что подобает аристократу, не является обязательным требованием для простолюдина. Героям, аскетам, рыцарям и монахам вменялось в правило отличиться, проявить свою моральную доблесть. Для обыкновенного человека это казалось чудом, вызывало удивление и восхищение, но его ни к чему не обязывало.

Наконец, благодаря распространению исповеди мораль попадает под контроль сознания. С того момента, как мудрец-священник сообщает индивиду условия, при которых происходит выход за рамки морально дозволенного, индивид обременяется обязательством рефлексии и самоконтроля. Отныне он знает правило и контролирует его выполнение независимо от своего желания.

С открытием книгопечатания все более расшатывается связь религии и морали. Развязывание религиозных войн, подкрепляемое моральным рвением участников обеих сторон конфликта, делало всё более очевидным факт относительности и условности моральных правил.

В XVII веке происходит психологическая проблематизация морали. Мораль все более индивидуализируется и субъективируется. «Происходит деонтологизация морали, вместе с этим – делегитимизация традиционных моральных понятий: добродетели, греха и т. д. Но особенно чувствительным для общества становится потеря религиозного обоснования, а с ним и стабильности морали» [7, S. 122].

В XVIII веке возникает теоретически обоснованная проблематизация морали. «Мораль получает политически подрывные и “эмансипаторские” функции. К морали апеллируют, чтобы утвердить религиозную толерантность» [7, S. 122]. Параллельно религия более не рассматривается как единственная концепция мироздания, но представляется как коммуникация особого рода, с особым кодированием и особенной функцией. Главная перспектива меняется с перспективы наблюдения первого порядка на перспективу наблюдения второго порядка, то есть наблюдение за наблюдением. Религия представляется как структура редукции особого рода, то есть как контингентная структура. Человек более не вплетён в эту структуру, потому как иначе ему неизбежно пришлось бы жить в грехе, сомнении и самоосуждении. Теперь человек может как верить, так и не верить.

Со второй половины XIX столетия в мире произошли глобальные изменения, связанные с массивной индустриализацией всего мирового сообщества. Изменению подвергся не только тип производства материальных благ, но

также и весь комплекс общественных отношений. Радикальная переструктуризация произошла как на макроуровне (например, изменение авторитета церкви или науки), так и на микроуровне (изменения в области института семьи, активизация процессов эмансипации личности). Все эти процессы не могли не отразиться на роли морали в современных общественных отношениях.

Предложенная Луманом теория, призванная отобразить современное общество адекватным способом самоописания, предусматривает и актуализацию роли морали.

Как следует из луманского анализа, роль морали как связующего и консолидирующего общественного фактора утрачивается. Эту роль полностью перенимает система права. Именно право берет на себя функцию разрешения конфликтов, причём, как свойственно функционально дифференцированному обществу, делает это радикально, полностью монополизировав право исполнения этой роли. Никто, кроме правовой системы, не может решать конфликты, угрожающие консолидации общества. В современном демократическом обществе парламент принимает решение на основе кодирования «законно / незаконно». Кодирование «плохо / хорошо», используемое моралью, на этом уровне оказывается неприменимым.

Основанное на функциональной дифференциации общество вынуждено отказаться от всеобщей моральной интеграции. Если, например, дифференциация между правительством и оппозицией в политической системе будет производиться с использованием кода морали таким образом, что оппозиция будет структурно определяться как плохое или хорошее явление, незамедлительно наступит и конец демократии как таковой.

Кроме того, мораль утрачивает способность консолидирующего фактора ввиду возрастающей дифференциации общества. В условиях прогрессирующего процесса дифференциации всё менее вероятно объединить всех под одним флагом, символом или принципом. Стремительно растущая сложность современного общества неизбежно вызывает активизацию процессов эмансипации, что приводит к еще большему разнообразию и дифференциации. Плюрализация мнений, терпимость к альтернативе, толерантность становятся средством выживания современного, в высшей степени мультивариантного общества.

Изменения происходят как в либеральных, так и в консервативно традиционных слоях общества. Современный либерализм приобретает характер всё более разнообразных и расходящихся альтернатив. Стремление к свободе выбора проникает во все аспекты человеческой жизни, начиная с приватной сферы, распространяется и на все типы общественной деятельности. Нет

более единственно правильной сексуальной модели поведения, нет единого представления об идеальной модели семейных отношений, отсутствует консенсус в отношении правильного образа жизни, нет единого мнения о прекрасном. Каждый волен выбрать свой собственный жизненный путь, является автором и создателем своего собственного стиля жизни.

Дифференциация происходит не только в либеральных, но и в консервативных кругах. Возникает всё больше альтернативных предложений, каждое из которых настаивает на своем пути восстановления и сохранения традиций. Ширится их спектр, возникает всё больше противоречий. Палитра решений простирается от компромиссных, умеренно-консервативных, до ультрарадикальных.

Тенденция к дифференциации не обходит стороной и сферу религиозной жизни. Наряду с тем, что возникает большое количество современных церковных организаций, основывается множество новых религий, но и внутри традиционных религий усиливаются процессы размежевания авторитетных мнений, и в религию всё активнее проникает культура аргументативного дискурса.

Надо отметить, что и на аксиологическом уровне нет более единства и безальтернативности. Вслед за плюрализацией образа жизни, представлений о прекрасном, вопросов принятия веры, неизбежно подвергается эрозии и единство представления о ценностях. Нет более монолитной сплоченности ни в главных, основополагающих ценностных постулатах, ни тем более в великом множестве партикулярных ценностных установок, касающихся специальных областей человеческого бытия. Даже доминирующие в современном обществе ценностные константы: демократия, равноправие, индивидуальные свободы – могут быть публично опровергнуты, и это опровержение не может быть лишено права на существование, ввиду наличия святая святых – права на выражение собственной точки зрения.

В условиях тотального плюрализма трудно себе представить мораль в качестве объединяющего, консолидирующего фактора. Скорее наоборот, мораль, балансируя между когнитивным и некогнитивным началами, не позволяя сводить нравственный конфликт к инвариантному, трансперсональному рационализму, служит источником конфликтов. Не случайно все современные мировые конфликты пропитаны духом морального пафоса. Не является исключением и проблема мирового терроризма. Как правило, все террористические организации активно используют моральную риторику для объяснения бескомпромиссного и радикального характера своих действий. Впрочем, то же касается и действий борцов с терроризмом.

К помощи морали прибегают все великие агрессоры современности. Ранее достаточно было рациональных причин для развязывания межгосударственного конфликта. Так, например, если в прошлом захват новых рабов, новых территорий, получение выхода к морю могли являться официальными причинами начала войн и нападений, то в сегодняшней ситуации пролитие крови может быть оправдано только при наличии ссылки на защиту принципа, морали, ценности. Необходима сакральная составляющая мотива. Даже режимы, построенные на атеистическом фундаменте, вынуждены апеллировать к эзотерическому иррационализму, без которого невозможно создание непроницаемой для рациональной критики государственной морали. Ярким примером служит современное северокорейское государство.

Итак, мораль может быть использована для развязывания конфликта, но разрешить конфликт она не в состоянии, за исключением лишь случая уничтожения противника. В связи с этим можно ещё раз привести пример проблемы мирового терроризма [1, S. 368].

Мораль не только является источником глобальных коллизий, но и служит катализатором межличностных индивидуальных конфликтов.

Моральные претензии к «неудобным» меньшинствам по сексуальному, расовому, национальному, религиозному, идейному признакам нередко являются обоснованием развязывания социальных столкновений. Хотя, в отличие от глобальных конфликтов, в межличностном масштабе моральный аспект может являться лишь подосновой, прикрываемой как раз рациональными основаниями. При разворачивании гонений на сексуальные меньшинства может быть использован аргумент неспособности гомосексуальных пар производить потомство, тем самым политика притеснения сексуальных меньшинств оправдывается заботой об экономическом благосостоянии государства, хотя в основе этого конфликта может лежать как раз моральная неприязнь и нетерпимость одной социальной группы к другой. В такой ситуации мораль выступает не явным, а скрытым источником конфликта.

При наличии в обществе достаточно большого количества разнообразных моральных программ возникает риск чрезмерного давления на личность. Индивид оказывается под натиском бесконечного количества моральных требований, формирующих плотную структуру человеческого «сверх-я». Именно это дает основания, по мнению З. Фрейда, для так называемого «недовольства культурой» [2].

Каждая из моральных программ предписывает свои собственные нормы, которые нередко противоречат друг другу, что в свою очередь приводит к вынужденному расколу личности. Отдельные части не могут более сосу-

ществовать без явных логических парадоксов. Религиозная мораль предписывает жесткое табу на аборты и использование контрацептивов, светская же мораль навязывает ответственность за воспитание будущего потомства, что включает и материальную заботу о нем. Последний фактор обязывает регуляцию и планирование деторождения. Противоречия моральных требований сегментируют личность, вынуждают одни части игнорировать другие. Сложность примирения одной морали с другой, берущая начало в некогнитивистской природе морального обоснования, преодолевается современной наукой с помощью перехода на метауровень этического рассмотрения. В философии этика традиционно выступала в качестве теории обоснования морали. Это представление разделяет, например, и современная дискурсивная этика, предложенная К. О. Апелем, в основу которой положено так называемое «коммуникативное последнее основание» [6]. Для обоснования такой теории потребовалась Архимедова точка опоры, которой в действительности, по мнению Лумана, нет и быть не может, поскольку все подобные опорные точки принадлежат миру и сами являются объектом этического анализа. Поэтому Луман противопоставляет положение, что этика не может обосновать мораль, но она её предполагает [1, S. 360].

Этика в лумановском представлении не является теорией обоснования морали, выполняя роль «теории рефлексии о морали», она держится на расстоянии от моральных оценок.

Таким образом, этика выполняет функцию своеобразного посредника между моралью и индивидом. Человек находится в условиях риска угрозы морального давления извне. Луман выражает это словами: «Тот, кто морализирует, хочет поранить» [5, S. 197]. Этика, становясь между моралью и человеком, выполняет своеобразную защитную функцию. «Первостепенная задача этики заключена в том, чтобы предупредить о морали» [4, S. 41].

Моральная коммуникация не может более охватить всё общество одновременно. В поликонтекстном мире нет возможности осуществиться более или менее полному согласию.

Но мораль не идёт по пути создания морального тоталитаризма.

В таких условиях мораль не становится основанием для аморального. Для морали находятся достаточно убедительные моральные основания отклонить формы, на которых основывается сама мораль.

В современном обществе раскрывается парадокс морали, на основании чего возникает вопрос: как вообще современная мораль может способствовать социальной координации?

Подводя итог, надо сказать, что мораль в современном обществе утрачивает свою функцию консолидирующего регулятора, она не выполняет более структурной дисциплинирующей роли, не обладает скрепляющим, цементирующим свойством, не служит началом, поддерживающим общественный порядок.

По мнению Лумана, мораль не является обособленной функциональной системой, ибо в современном обществе функцию консолидации берет на себя система права. Именно с помощью этой системы конфликты могут быть разрешены эффективно.

Так как основная функция морали оказывается монополизирована другой системой, мораль не имеет своей собственной функции, и потому она не выделяется в отдельную систему. Она является лишь особым родом коммуникации, при этом, однако, имеет свой собственный бинарный код.

В традиционном обществе моральные коммуникации ориентируются на кодирование «хорошо / плохо» или другую разновидность – «добро / зло». Такое различие ссылается на индивида как целое и ни в коем случае не на отдельные его свойства или специальные качества. Оно поддерживает его неделимость и целостность.

В современном, в высшей степени сложном, дифференцированном обществе риск неудачи моральной коммуникации, основанной на таком кодировании, чрезвычайно высок. «Нет человека, который был бы морально безупречен» [7, S. 121]. Поэтому такое сообщество создает этику, с помощью которой мораль защищает себя от различного рода возможных противоречий. Это рассуждение поясняет, почему первостепенной задачей современной этики является вопрос обоснования морали.

В современном обществе кодирование «хорошо / плохо» заменяется кодированием «уважение / неуважение» [1, S. 361]. В отличие от прежнего феномена, кодирование «уважение / неуважение» эмпирически доступно. Такое кодирование позволяет воспринимать моральные высказывания в форме социальных фактов. Мораль становится специальной формой коммуникации, которая, подразумевая отличие «плохо / хорошо», дает указания на более конкретное и явное отличие «уважение / неуважение».

Моральная коммуникация, построенная на кодировании «уважение / неуважение», достигает необходимого уровня устойчивости и в таком виде может стать частью коммуникационного пространства современного общества. Смягчая радикальный приговор «хороший / плохой», «добрый / злой» на более гибкий и обтекаемый «уважение / неуважение», коммуникация приобретает пластичность и способность к толерантности, столь необходи-

мую в современном дифференцированном обществе. При такой постановке вопроса не обязательно «уничтожать» противника, его можно просто не уважать. Именно в таком виде моральная коммуникация возможна в современном сообществе.

Литература

1. Ethik als Reflexionstheorie der Moral. Bd. 3. Frankfurt/M., 1989. S. 358–448.
2. Freud S. Das Unbehagen in der Kultur. Frankfurt/M., 1994.
3. Luhmann N. Die Gesellschaft der Gesellschaft. Bd. 1. Frankfurt/M., 1998.
4. Luhmann, Niklas (1990): Paradigm lost: Über die ethische Reflexion der Moral. Rede von Niklas Luhmann anlässlich der Verleihung des Hegel-Preises. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1989.
5. Luhmann, zitiert nach Krause. Stuttgart, 2005.
6. Reese-Schäfer W. Karl-Otto Apel zu Einführung. Hamburg, 1991. S. 43–69.
7. Reese-Schäfer W. N. Luhmann zu Einführung. Hamburg, 1999.
8. Rosa H., Strecker D., Kottmann A. Soziologische Theorien Konstanz. 2007. S. 183.
9. Евангелие от Иоанна. Гл. 8, ст. 7.

УДК 82-32

А. П. Трушкина (г. Саранск)

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва

Поэтика готического в рассказах Л. Петрушевской 1990-х гг.

В статье рассматривается художественная специфика книги Л. Петрушевской «Песни восточных славян». Источником рассказов цикла послужили фольклорные жанры, в частности бывальщина и детская нескладочная проза («страшилка»). Однако в книге можно выделить характерные особенности и готической литературы (мотив убийства, мотив мести, особые топосы и т. п.).

Ключевые слова: готический роман, фольклорная традиция, жанр, хронотоп, Петрушевская

Творчество Л. С. Петрушевской занимает значимое место в литературном процессе рубежа XX–XXI веков. Её проза отражает противоречия человеческой природы, выраженные в деструкции внутреннего пространства человека [2, с. 4]. В образной структуре произведений Петрушевской значи-